

Эсхатологическая фоновая конспирология: формирование стереотипов и трансформации модальностей

А. М. Прилуцкий

*Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Введение. В статье рассматривается феномен «конспирологического мифа» и обосновывается принципиальная недоказуемость в дискурсах конспирологии наличия либо отсутствия конспирологического заговора. Если отсутствие заговора недоказуемо в принципе, то доказательство его наличия целенаправленно осложняется самими заговорщиками, использующими для этого недостоверные ресурсы. Апелляция к иррациональным аргументам объясняет причину включения в конспирологический дискурс массива информации, маркированной индикаторами низкой степени достоверности. Текстовый характер источников обуславливает использование в данном исследовании методов семио-герменевтического анализа мифологических текстов.

Содержание. Автором представлен анализ модальностей, характерных для фоновой и «выраженной» конспирологии. В рамках выраженной конспирологии, мифологемы бывают изложены, как правило, в дебитивной модальности. Для фоновой конспирологии более характерна вероятностная модальность: при этом логика наррации часто предполагает, что если нечто может быть, то оно обязательно происходит. Фоновая конспирология активно формирует конспирологические стереотипы, в связи с этим в статье приведены основные конспирологические стереотипы эсхатологического мифа. Это стереотипы-представления, поведенческие стереотипы и стереотипы-ситуации. Утверждение конспирологических стереотипов является первым этапом формирования конспирологического мифа и обязательным условием существования такого мифа. Формирование перечисленных стереотипов в рамках фоновой конспирологии приводит к развитию системной инверсии, поскольку конспирологическая аксиологическая и социальная иерархия отношений вступает в конфликт с существующими социальным порядком. Фактор системной инверсии становится мощным триггером развития эсхатологической конспирологии.

Выводы. Формирование конспирологических стереотипов соответствует первоначальному этапу развития концептов эсхатологической конспирологии, который завершается включением новых понятий в предметную область фоновой конспирологии. Данный процесс сопровождается семиотическими трансформациями, развитием новых символических смыслов и эсхатологических мифотеологем. Это способствует дальнейшему развитию дискурсов конспирологической эсхатологии, поскольку фоновая конспирология, будучи по своей сути пустым рамочным понятием, способна адаптировать практические любые события или процесс, наделив их тайными смыслами.

Ключевые слова: конспирологический миф, конспирологический стереотип, конспирологическая эсхатология, семиотика мифа.

Для цитирования: Прилуцкий А. М. Эсхатологическая фоновая конспирология: формирование стереотипов и трансформации модальностей // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2023. – № 3. – С. 118–133. DOI 10.35231/18186653_2023_3_118. EDN: PVLVJU

Eschatological Background Conspiracy Theory: Formation of Stereotypes and Transformation of Modalities

Alexander M. Prilutskij

*Herzen State Pedagogical University of Russia
Sankt-Peterburg, Russian Federation*

Introduction. The article considers the phenomenon of “conspiracy myth” and justifies the fundamental unprovability in the discourses of conspiracy theories of the presence or absence of conspiracy. If the absence of a conspiracy is unprovable in principle, then the proof of its presence is purposefully complicated by the conspirators themselves, who use unreliable resources for this. An appeal to irrational arguments explains the reason for the inclusion in conspiracy discourse of an array of information marked with indicators of a low degree of reliability. The textual nature of the sources determines the use of methods of semio-hermeneutic analysis of mythological texts in this study.

Content. The author presents an analysis of the modalities characteristic of background and “pronounced” conspiracy theories. Within the framework of expressed conspiracy theories, mythologies are usually presented in a debitive modality. For background conspiracy, probabilistic modality is more characteristic: at the same time, the logic of narration often assumes that if something can be, then it necessarily happens. Background conspiracy theories actively form conspiracy stereotypes, in this regard, the article provides the main conspiracy stereotypes of eschatological myth. These are stereotyping-representations, behavioral stereotypes and stereotyping-situations. The statement of conspiracy stereotypes is the first stage in the formation of a conspiracy myth and a prerequisite for the existence of such a myth. The formation of these stereotypes within the framework of background conspiracy theory leads to the systemic inversion development, since the conspiracy axiological and social hierarchy of relations conflicts with the existing social order. The systemic inversion factor becomes a powerful trigger for the eschatological conspiracy development.

Conclusions. The formation of conspiracy stereotypes corresponds to the initial stage of the development of eschatological conspiracy concepts, which ends with the inclusion of new concepts in the subject area of background conspiracy. This process is accompanied by semiotic transformations, the development of new symbolic meanings and eschatological mytho-teology. This contributes to the further development of conspiracy eschatology discourses, since background conspiracy, being an inherently empty framework concept, is able to adapt any practical event or process, endowing them with secret meanings.

Key words: conspiracy myth, conspiracy stereotype, conspiracy eschatology, myth semiotics.

For citation: Prilutskij, A. M. (2023) Eskhatologicheskaya fonovaya konspirologiya: formirovanie stereotipov i transformatsii modal'nostej [Eschatological Background Conspiracy Theory: Formation of Stereotypes and Transformation of Modalities]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. No. 3. Pp. 118–133. (In Russian). DOI: 10.35231/18186653_2023_3_118. EDN: PVLJLU

Введение

Конспирологический миф был ранее нами определен как совокупность мифологических нарративов, которые интерпретируют социальные процессы и явления как результат целенаправленного действия могущественных сил, тщательно скрывающих свое существование или какое-либо отношение к данным явлениям и процессам [11, с. 132].

Базовым конструктом этой мифологии является гипотеза о принципиальной невозможности рационального доказательства в отношении как отсутствия, так и наличия конспирологического заговора. Поэтому наличие заговора становится в конспирологически настроенных субкультурах предметом сакрализованного знания, доступного лишь посвященным в глубинные сферы конспирологической мудрости. Если отсутствие заговора недоказуемо в принципе, то доказательство его наличия целенаправленно осложняется самими заговорщиками, использующими для этого огромные ресурсы тайных обществ. Поэтому «конспирологическое знание» априорно позиционируется как неочевидное, что является предметом особой гордости посвященных. С точки зрения конспирологической мифологии, любой факт всегда является фактом, в лучшем случае подтверждающим наличие заговора, но не его отсутствие: за кажущимся отсутствием заговора всегда может скрываться изощренная конспирация, успешно маскирующая подлинные мотивы происходящего иногда даже и от пристального взгляда посвященных. Невозможность рационально и убедительно доказать наличие «заговора» и его влияние на ход тех или иных процессов, с точки зрения адептов конспирологии, свидетельствует лишь о возрастающем могуществе и коварстве заговорщиков, разоблачение которых образует замкнутый герменевтический круг: не только отсутствие заговора не может быть точно установлено, но и никакой «разоблаченный» заговор не может быть никогда разоблачен полностью.

Не случайно в рамках конспирологического дискурса циркулирует столь много информации, маркированной индикаторами низкой степени достоверности, анонимной или псевдонимной: «как нам удалось узнать», «один старец сказал», «одному человеку было откровение», «один ученый открыл». Конспирология во многом строится на доверии адептов лиде-

рам, посвященным, а вопросы о происхождении информации и степени ее надежности задавать не принято: последнее маркируется как «хула», «обливание грязью» и даже «гонения», за которыми стоят, разумеется, разоблачаемые заговорщики. Например, Н. В. Романов (бывш. схиигумен Сергей) определил в качестве направленных против него «гонений» ироническое отношение к высказанному им заявлению о том, что место Президента России скоро займет антихрист с силиконовой маской В. В. Путина.

Анализ конспирологической мифологии в настоящее время ориентирован на рассмотрение отдельных конспирологических концептов, наибольшее число исследований, публикуемых в 2021–2023 гг., так или иначе связаны с проблематикой медицинского и парамедицинского конспирологического мифа. Это понятно: память о недавней эпидемии и обусловленных ею ограничениях до сих пор во многом влияет на социальное поведение людей. Исследования, посвященные влиянию эпидемической ситуации на формирование различных изводов эсхатологической мифологии, представлены работами С. П. Артеева [1], А. И. Дроздова и К. В. Разбейкина [4], И. А. Коркишко [6] и других авторов. Исследовательский интерес к данной тематике обусловлен значительной перлокутивной силой медицинского конспирологического мифа. Особо следует отметить исследование парамедицинских дискурсов эсхатологической конспирологии, сформировавшиеся под влиянием травмирующих социум недавних противозэпидемических ограничений, представленное в статье А. А. Панченко [10]. Ему же принадлежит опубликованное в 2015 году и не потерявшее актуальности исследование мифотеологемы «Компьютер-Зверь», в настоящее время получившей «второе дыхание» [9]. Частные вопросы политической эсхатологии в контексте современной герменевтики царевбийства 1918 года отражены в статье С. А. Штыркова [19]. Основные понятия современной конспирологической эсхатологии были представлены и описаны в недавно изданном словаре «Термины и понятия радикальных религиозных субкультур» [16]. Исследование информационно-герменевтической специфики «конспирологических фейков» представлено в статье С. А. Шомовой [18]. Некоторые особенности дискурса конспирологической эсхатологии были рас-

смотрены в предшествующих публикациях автора [11; 13]. Перечисленные выше публикации ввели в научный оборот новые данные относительно содержания и функционирования эсхатологических концептов, что позволяет перейти к рассмотрению вопросов категоризации мифотеологием новейшей эсхатологической конспирологии.

Данное исследование выполнено в рамках семио-герменевтического анализа религиозных текстов, методика которого разработана автором и представлена в ряде предшествовавших публикаций [12; 13]. В качестве источников исследования задействованы оригинальные публикации религиозного содержания, размещаемые в различных интернет-ресурсах и блогосфере.

Содержание исследования

Конспирологическая герменевтика активно и успешно запускает информационные каскады, благодаря чему конспирологические мифологемы и герменемы транслируются в новые социальные страты, в результате возрастающего информационного давления в теорию заговора начинают верить даже люди, обладающие высоким порогом восприятия.

Популярность конспирологии объясняется не в последнюю очередь ростом недоверия к официальным источникам информации и «официальной науке» вообще, постмодернистскими представлениями о равноценности дискурсов [3, с. 56], заманчивой простотой конспирологических объяснений, позволяющей просто объяснять сложное, формированием у адептов веры в обладание элитарным знанием, не доступным для непосвященных в конспирологические тайны масс. В условиях постулированного постмодерном равенства всех дискурсивных практик, конспирологическая герменевтика утрачивает свой маргинальный статус и приобретает черты интеллектуальной респектабельности (например, конспирологические теории А. Г. Дугина), что способствует популяризации конспирологических установок.

Структурно-семантический анализ современных дискурсов конспирологического мифа позволяет выявить две его основные формы, которые можно условно обозначить как *выраженную (явную) конспирологию* и *фоновую конспирологию*.

В рамках выраженной конспирологии, конспирологические мифологемы бывают представлены, как правило, в дебитивной модальности. Как пишет современная исследовательница: «дебитивная модальность отделяется от побудительной (императивной) и модальности намерения (интенциональной модальности), потому что у перечисленных типов модальности разнятся источники необходимости, у дебитивной модальности – это внешняя необходимость, продиктованная условиями» [5, с. 129]. Согласимся, что эта обусловленность предполагает трансформацию потенциального в актуальное [17]. Конспирологический заговор, таким образом, представляется как объективная реальность, обусловленная самим фактом существования могущественного заговорщицкого лобби: если заговорщики существуют, а данный факт под сомнение не ставится, то возможность заговора трансформируется в его безусловное наличие.

Одновременно существует более «мягкая» форма конспирологии. В этом случае наличие конспирологического заговора непосредственно не постулируется, однако его возможность предполагается и оформляется в качестве фоновых знаний через апелляцию к вероятностной модальности. Логика наррации и в этом случае часто предполагает, что если нечто может быть, то оно обязательно происходит. В рамках фоновой конспирологии формируются конспирологические стереотипы, которые активно влияют на формирование конспирологического дискурса.

Так формируются автостереотипы, выражают мнение конспирологов о себе:

- посвященные, знающие то, что сокрыто от большинства,
- принадлежащие к духовой элите,
- мудрые,
- истинно-верующие,
- мужественные,
- бескомпромиссные борцы.

При этом первый стереотип является базовым, а остальные производными от него.

Соответственно, к устойчивым конспирологическим гетеростереотипам, выражающим негативную оценку заговорщиков, можно отнести:

- действующие в условиях глубокой тайны,
- коварные,
- служащие темным силам,
- могущественные,
- безжалостные,
- лживые,
- безнравственные.

Так, например, конспирологическая герменевтика обстоятельств трагической гибели группы студентов в 1959 г. («группа Дятлова»), современная антикумуническая или медицинская конспирология включают все перечисленные стереотипы. Разумеется, приписываются они различным акторам: советским военным и сотрудникам КГБ, якобы тайно убившим студентов-туристов; иерархам-отступникам, тайно перешедшим в католицизм (вариант – в иезуитский орден); врачам-отравителям *etc.*

В процессе формирования каждой новой конспирологии перечисленные выше стереотипы выступают в качестве рамочных понятий и готовых схем, которые можно успешно задействовать при реализации любой конспирологической герменевтики. Враги всегда будут действовать в условиях глубокой тайны, а конспирологи – претендовать на владение особым, сокровенным знанием. Универсальность данной схемы позволяет использовать ее в качестве герменевтического инструментария, способного объяснить глубинную сущность как глобальных социальных процессов, так и локальных неприятностей. Например, болезнь конспиролога может успешно объясняться тайным вредоносным колдовством «врага», а потом, когда конъюнктура изменилась, то другого, конкурирующего конспиролога¹.

Классифицируя конспирологические стереотипы эсхатологического мифа, можно выделить:

Стереотипы-представления: масон – коварный заговорщик, православный иерарх – тайный кардинал, жид – враг, врач – отравитель и т.д.

Стереотипы – поведенческие акты: спасение – отказ от документов, бегство из городов, отказ от вакцинации, неиспользование технологий и т.д.

¹ Паша Косолапов сообщает... [Электронный ресурс]. URL: <https://ok.ru/video/2750241376950> (дата обращения: 02.05.2023).

Стереотипы-ситуации: публикации в СМИ – обман, вакцинация – чипирование и т. п.

Проведенный нами контент-анализ смысловых концептов дискурсивной среды борцов с технологиями 5G, вакцинацией и «антидокументников»¹ показал, что сложение конспирологических стереотипов является первым этапом формирования конспирологического мифа. Можно высказать предположение, что наличие конспирологических стереотипов является обязательным условием существования конспирологического мифа.

Перечисленные стереотипы в рамках фоновой конспирологии приводят со временем к развитию системной инверсии, поскольку формирующаяся конспирологическая аксиологическая и социальная иерархия отношений вступает в конфликт с существующим социальным порядком. Высокий статус посвященного-конспиролога, существующий в качестве феномена дискурсивной конспирологической среды, но самими конспирологами воспринимаемый вполне отнологично, конфликтует с его низким социальным статусом. Системная инверсия возникает в тех случаях, когда в рамках одной системы одновременно реализуются различные организационные принципы, каждый из которых выстраивает собственную иерархию отношений. Когда один из этих принципов вступает в противоречие с другим (или с другими), в системе развивается инверсия [14, с. 34].

В нашем случае, например: клирик карликовой неканонической юрисдикции², блогер низшего сегмента YouTube³, изгнанный из монастыря иеродиакон⁴, не имеющий стабильного дохода «ревнитель»⁵ – успешно становятся лидерами неформальных конспирологических сообществ, получая в них высокий статус. При этом их реальный социальный статус остается низким, о чем свидетельствуют постоянные жало-

¹ Термином «документники» конспирологи обозначают тех, кто по каким-либо причинам использует современные «сатанинские» и «масонские» документы – паспорт, СНИЛ, ИНН и т. д. Данный термин активно использует борец с жидо-масонским заговором, объявивший себя схимитрополитом и царем преступник-рецидивист Власов («Зосима») см. Схимитрополит Зосима. Будь верен до смерти [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/@user-pz3om2yg3w/videos> (дата обращения: 02.05.2023).

² Чудеса святого Отрока Вячеслава 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/@user-um6qk2fv4w/featured> (дата обращения: 02.05.2023).

³ Некто русский [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/channel/UCpqqoJyU5bV80lik-RihkY3XQ/videos> (дата обращения: 02.05.2023).

⁴ Иеродиакон Киприан [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/id790322108> (дата обращения: 02.05.2023).

⁵ Николай Егорцев [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/@nikolaegorsev> (дата обращения: 02.05.2023).

бы на отсутствие средств к существованию, призывы помочь материально, демонстрируемая убогая обстановка жилища. Так формируются особые технологии нищенства в интернете, которым не брезгают заниматься даже персоны, претендующие на «царский статус»¹.

Другой пример: несколько брошенных женами мужей (в их числе: не получивший рукоположения выпускник семинарии, не скрывающий психиатрического диагноза разорившийся предприниматель, бывший певчий), объявив, что в их бедах виноваты иерархи церкви, тайно проводящие «ересь» и являющиеся «отступниками», создали «Службу Духовной Безопасности», назначили себя её «руководителями» и «сотрудниками» [15, с. 108–109], ведут «оперативную деятельность» – тайно записывают на диктофон разговоры со священнослужителями, после чего выкладывают аудиоматериалы в открытый доступ². Данный пример является далеко не самым экстравагантным. Так, деятель, именующий себя «царем последнего времени», способный, по собственным словам, управлять погодой и социальными процессами, но вынужденный при этом подрабатывать дворником и просить подаяния, находится постоянно в ситуации инверсивного напряжения³.

В ходе развития инверсивного кризиса происходит трансформация фоновой конспирологии в явную. При этом свойственная конспирологии ценностная иерархия обретает главенствующий характер, прочие организационные принципы или перестают действовать (например, случаи «бегства из городов») или целенаправленно девальвируются.

Базовый герменевтический паттерн фоновой конспирологии – предположение, что у всего «нехорошего», что происходит в социуме и (или) жизни отдельного человека, есть свои выгодополучатели, действия которых, скорее всего, и являются истинной причиной этих вредоносных событий или процессов. Как уже было отмечено выше, граница между фоновой конспирологией и явной конспирологией проходит на уровне модальностей: для фоновой конспирологии характерна гипо-

¹ Бог. Царь православный. Святая Русь [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/@Romanov77778> (дата обращения: 02.05.2023).

² Василий В. Осторожно, «Служба духовной безопасности»! [Электронный ресурс]. URL: https://ruskline.ru/news_ru/2020/02/28/ostorozhno_sluzhba_duhovnoi_bezопасnosti (дата обращения: 02.05.2023).

³ Александр Николаевич (Царь православный грядет) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=DUFHh1tUPHk&t=3605s> (дата обращения: 02.05.2023).

тетическая, для явной – эпистемическая модальности. В первом случае говорящий с большей степенью вероятности допускает возможность существования конспирологического заговора и его влияния на жизнь людей, во втором – говорящий заявляет об уверенности в истинности ранее установленной им причинноследственной связи [8, с. 31] между «тайным» заговором и «явными» социальными процессами. Фоновая конспирология, как и явная, характеризуются высокой телеологичностью: все несчастья и неприятности в жизни человека и социума обретают подлинное значение в контексте глобального развертывания тайного заговора и противостояния ему многочисленных конспирологов.

В рамках данного герменевтического паттерна происходит мифологизация факторов общественного раздражения. В качестве последних могут выступать как социальные реформы, особенно если они негативно влияют на уровень жизни низовых социальных страт или же каким-то видимым образом существенно влияют на уклад их жизни, так и внедрение в повседневную жизнь новых технологий, при условии, что последние кажутся непонятными их неквалифицированному потребителю. Подобная мифологизация в известной степени отражает мировоззренческие установки, свойственные для архаического, а не традиционного мировосприятия [7]. Чем «современнее» и «сложнее» технология – тем больше эсхатологических опасностей она содержит. Все новое не только аксиологически уступает хорошо проверенному старому, но и в силу своей сложности может содержать тайные демонические регистры смыслов – будь то новые способы кодировки информации, электронные устройства, технология 5G и т. д. Во всем непонятном, сложном, ранее неизвестном, а, следовательно, и не протестированном опытом предшествовавших поколений может содержаться «печать» или «предпечать» апокалиптического зверя [16, с. 35–36], или же «нечто» не столь опасное, но, тем не менее, в духовном отношении вредное. Поэтому любые изменения определенного уклада жизни воспринимаются как изменения к худшему, по возможности нужно их избегать: «...а вы стойте на том, чему научены, того и держитесь, от всего нового уклоняйтесь»¹.

¹ Еще один мощнейший удар экуменистов по русской церкви... Синод РПЦ изменил правила крещения

В качестве современных примеров подобной герменевтики факторов общественного раздражения можно привести наделение религиозным смыслом [2] и последующую мифологизацию:

- паспорта образца 1997 года с его «тайными чипами», персональным кодом и «провокативными» виньетками,
- иных документов: ИНН, СНИЛС и их аналогов,
- биометрической идентификации,
- банковских и иных электронных карт,
- кодировки информации при помощи штрихкода,
- противозидемических ограничений,
- вакцинации, трансплантологии, иных медицинских технологий,
- микросхем (чипов),
- компьютерной техники, мобильной связи,
- технологий 5G.

В рамках современного конспирологического дискурса все вышеперечисленное наделяется особым тайным смыслом, интерпретируется как душевредные нововведения, которые соотносятся с семантическим полем «печати антихриста». Поскольку фоновая конспирология работает с пустыми рамочными понятиями и рамочными ситуациями, любой фактор общественного раздражения может стать предметом подобного осмысления.

Еще один выявленный нами признак, свидетельствующий о том, что объект включен в пространство фоновой конспирологии в качестве предмета конспирологической герменевтики – нейтральные действия получают символическую интерпретацию и обретают в соответствующем дискурсе свойства ритуалогемы. Данная стратегия актуальна в тех случаях, когда иные способы включить какое-либо явление, событие или предмет в семантическое поле «заговора» оказывается затруднительным. Поскольку речь идет не только о ритуалах, но и о ритуализированных действиях, герменевтический потенциал подобной стратегии становится безграничным. Так, например, трагически-случайная смерть ничем не выдающихся людей может интерпретироваться как ритуальное жертвопри-

и поминовения [Электронный ресурс]. URL: <https://3rm.info/main/78386-esche-odin-udar-jekumenistov-po-russkoj-cerkvi-sinod-rpc-izmenil-pravila-kreschenija-i-pominovenija.html#sel=7:1.8:7> (дата обращения: 02.05.2023).

ношение¹, невинная жестикуляция говорящего – как трансляция им неких «сатанинских знаков»², стандартная медицинская процедура – как «особый ритуал»³. Причем модальная оценка не имеет значения⁴. Это свидетельствует о том, что формирование фоновой конспирологии происходит на основе рамочных структур. Даже вполне невинные новогодние праздники могут символически трансформироваться в конспирологическую ритуалогему «пир во время чумы ... обязательный ритуал сатаны»⁵. Подобным образом конспирологами интерпретировалось, например содержание Инструкции настоятелям приходов и подворий, игуменам и игумениям монастырей Русской Православной Церкви в связи с угрозой распространения коронавирусной инфекции, размещенной на официальном сайте Московского Патриархата⁶, что хронологически соответствовало первому этапу конспирологической интерпретации (фоновая конспирология) противоэпидемических ограничений, предписанных РПЦ для подведомственных приходов и монастырей.

Исходя из аллегорического понимания значения лжицы (ложки, при помощи которой раздается причастие в храме) – «Лжица символизирует пресвятую Богородицу»⁷, было заявлено, что дезинфекция лжицы является богохульственным ритуалом «РПЦ МП издал официальный приказ о совершении в наших храмах богохульства через мокание (так в оригинале – А. П.) Лжицы, символизирующей Пресвятую Богородицу, в спирт для “дезинфекции” Крови Христа. В такие храмы мирянам нельзя ходить и ни в коем случае нельзя соучаствовать

¹ Тайна гибели группы Дятлова. Версия ритуального убийства от Елены Дмитриевской. Часть 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=e2btIJZS6fg> (дата обращения: 02.05.2023).

² Анатолий Липатов. Не только вам плохо, но и я почувствовал себя дурно после того, как посмотрел Рогатского. Он постоянно жестикулирует сатанинскими (масонскими) знаками [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/id561721725?w=wall561721725_5084 (дата обращения: 02.05.2023).

³ Колоть будут до смерти... Австралия объявила, что колоть бустеры от COVID придется всю жизнь, каждые 6–12 месяцев [Электронный ресурс]. URL: <https://3rm.info/main/87151-kolot-budut-do-smerti-avstralija-objavila-cto-kolot-bustery-ot-covid-privetsja-vsju-zhizn-kazhdye-6-12-mesjacev.html> (дата обращения: 02.05.2023).

⁴ Moskowitz R. Vaccination: A Sacrament of Modern Medicine. [Электронный ресурс]. URL: <https://healthy.net/2000/12/06/vaccination-a-sacrament-of-modern-medicine/> (дата обращения: 02.05.2023).

⁵ Новый 2023 год. Праздновать ли Валтасаров пир? [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/diak.mastov?w=wall22867360_9982%2Fall (дата обращения: 02.05.2023). (см. комментарии к записи)

⁶ Инструкции настоятелям приходов и подворий, игуменам и игумениям монастырей Русской Православной Церкви в связи с угрозой распространения коронавирусной инфекции [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5608607.html> (дата обращения: 02.05.2023).

⁷ Пресвятая Богородица. «Священная Лжица» ... Дезинфекция лжицы есть дело нечестивое. [Электронный ресурс]. URL: <https://3rm.info/main/83828-presvjataja-bogorodica-svjaschennaja-lzhica-dezinfekcija-lzhicy-est-delo-nechestivoe-anastasij-polihroniadis-doktor-bogoslovija.html> (дата обращения: 02.05.2023).

в таком богохульстве. Имеющий разум, да разумеет!»¹ Таким образом, изначально символически нейтральное действие обрело признаки ритуалогемы. На уровне значений это сопровождалось формированием гиперкатегориального смысла «макание в спирт Богородицы», тогда как категориальным смыслом осталось общее понятие «богохульство».

Выводы

Результаты проведенного исследования дискурсивной среды борцов с технологиями 5G, вакцинацией и «антидокументников» позволяют сделать предположение о том, что формирование конспирологических стереотипов соответствует первоначальному этапу развития концептов эсхатологической конспирологии, который завершается включением новых понятий в предметную область фоновой конспирологии. Данный процесс сопровождается семиотическими трансформациями, развитием новых символических смыслов и формированием эсхатологических мифотеологем. Это способствует дальнейшему развитию дискурсов конспирологической эсхатологии, поскольку фоновая конспирология, будучи по своей сути пустым рамочным понятием, способна адаптировать практически любое событие или процесс, наделив их тайными смыслами.

Список литературы

1. Артеев С. П. Пандемия COVID-19: конспирология и антиконспирология // *Власть*. – 2022. – Т. 30. – № 1. – С. 58–63.
2. Багдасарян В. Э. Эсхатологические представления в России в дискурсе постсоветских трансформаций // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. – 2016. – Т. 15. – № 3. – С. 115–139.
3. Губанов Н. И. Ницшта философии постмодернизма // *Философия и общество*. – 2007. – № 1(45). – С. 54–68.
4. Дроздов А. И., Разбейкин К. В. Пандемия коронавируса и конспирология // *Церковь и пандемия*. – Нижний Новгород: Нижегородская духовная семинария Нижегородской Епархии Русской Православной Церкви (Московский Патриархат), 2021. – С. 129–135.
5. Караульщикова Ю. В. О типологическом аспекте модальной // *Поволжский педагогический вестник*. – 2019. – Т. 7. – № 4 (25). – С. 125–131.
6. Коркишко И. А. Конспирология о пандемии COVID-19 как мифотворческий феномен // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*. – 2022. – № 3. – С. 114–125.
7. Костюк К. Н. Архаика и модернизм в российской культуре // *Социологический журнал*. – 1999. – № 3–4. – С. 5–19.

¹ Это слепые инструменты антихриста! О мокании в спирт Лжицы [Электронный ресурс]. URL: <https://3rm.info/main/88032-jeto-slepye-instrumenty-antihrista-o-mokanii-v-spirit-lzhicy-mitr-amvrosij-kalavritskij.html> (дата обращения: 02.05.2023).

8. Мильруд Р. П. Типологические характеристики модальности в научно-исследовательском письменном тексте // Язык и культура. – 2009. – № 1 (5). – С. 29–38.
9. Панченко А. А. Компьютер по имени Зверь: эсхатология и конспирология в современных религиозных культурах // Антропологический форум. – 2015. – № 27. – С. 122–141.
10. Панченко А. А. «Нарративы тревоги» и скрытые онтологии: протесты против вакцинации в «консервативном православии» и их культурный контекст // *Versus*. – 2022. – Т. 2. – № 3. – С. 106–125.
11. Прилуцкий А. М. «Вакцинирование» vs «чипирование»: триггеры эсхатологической мифологии в условиях противозидемических мероприятий // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2021. – Т. 21. – № 3. – С. 108–118.
12. Прилуцкий А. М. К вопросу о герменевтических механизмах функционирования конспирологического // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2020. – № 4. – С. 131–141.
13. Прилуцкий А. М. Семиотика модальностей современного конспирологического мифа в дискурсах маргинального православия // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. – 2019. – № 82. – С. 94–107.
14. Севостьянов Д. А. Инверсивный анализ эскалации конфликта // Философия права. – 2021. – № 3 (98). – С. 33–40.
15. Силантьев Р., Рогозин Ю. Парарасправославные секты в современной России: моногр. – М.: Снежный ком, 2021. – 432 с.
16. Термины и понятия радикальных религиозных субкультур: Словарь-справочник, учебное пособие. – СПб.: Первый издательско-полиграфический холдинг, 2023. – 172 с.
17. Цейтлин С. Н. Необходимость // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Л.: Наука, 1990. – С. 142–156.
18. Шомова С. А. От конспирологии до розыгрыша: проблема мис- и дезинформации в пандемийном дискурсе // Коммуникации. Медиа. Дизайн. – 2023. – Т. 8. – № 1. – С. 5–23.
19. Штырков С. Духовное видение истории как дискурсивный порядок политической эсхатологии: убийство семьи Николая II в поздней постсоветской православной историософии // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. – 2019. – Т. 37. – № 4. – С. 130–166.

References

1. Arteev, S. P. (2022) Pandemiya COVID-19: konspirologiya i antikonspirologiya [Covid-19 pandemic: conspiracy and anti-conspiracy]. *Vlast'* [The Power]. Vol. 30. No. 1. Pp. 58–63. (In Russian).
2. Bagdasaryan, V. E., Resnyanskij, S. I. (2016) Eschatologicheskie predstavleniya v Rossii v diskurse postsovetских transformatsij [Eschatological concepts in Russia in post-soviet transformations discourse]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii* [RUDN journal of Russian history]. Vol. 15. No 3. Pp. 115–139. (In Russian).
3. Gubanov, N. I. (2007) Nishcheta filosofii postmodernizma [The poverty of postmodernism philosophy]. *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and Society]. Vol. 1(45). Pp. 54–68. (In Russian).
4. Drozdov, A. I., Razbejkin, K. V. (2021) Pandemiya koronavirusa i konspirologiya [The pandemic of coronavirus and conspiracy]. *Tserkov' i pandemiya* [Church and Pandemic]. Nizhnyj Novgorod: Nizhny Novgorod Theological Seminary. Pp. 129–135. (In Russian).
5. Karaul'shchikova, Yu. V. (2019) O tipologicheskom aspekte modal'noj semantiki [On the typology of modal semantics]. *Povolzhskij pedagogicheskij vestnik* [Volga region pedagogical bulletin]. Vol. 7. No. 4 (25). Pp. 125–131. (In Russian).
6. Korkishko, I. A. (2022) Konspirologiya o pandemii COVID-19 kak mifotvorcheskij fenomen [Conspiracy theories about the covid-19 pandemic as a myth-making phenomenon] *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina* [Pushkin Leningrad State University Journal]. Vol. 3. Pp.114–125. (In Russian).

7. Kostyuk, K. N. (1999) Arkhaika i modernizm v rossijskoj kul'ture [Archaic and modernism in Russian culture]. *Sociologičeskij žurnal* [Sociological journal]. Vol. 3–4. Pp. 5–19. (In Russian).
8. Mil'rud, R. P., Antipov, I. V. (2009) Tipologičeskie kharakteristiki modal'nosti v nauchno-issledovatel'skom pis'mennom tekste [Types of modality in a scientific text]. *Yazyk i kul'tura* [Language and culture]. Vol. 1 (5). Pp. 29–38. (In Russian).
9. Panchenko, A. A. (2015) Komp'yuter po imeni Zver': eskhatologiya i konspirologiya v sovremennykh religioznykh kul'turakh ["The beast computer of Brussels": apocalyptic imagination and conspiracy theories in present day religious culture]. *Antropologičeskij forum* [Anthropological Forum]. Vol. 27. Pp. 122–141. (In Russian).
10. Panchenko, A. A. (2022) "Narrativy trevogi" i skrytye ontologii: protesty protiv vaktsinatsii v "konservativnom pravoslavii" i ikh kul'turnyj kontekst ["Narratives of anxiety" and hidden ontologies: anti-vaccination protest in "conservative orthodoxy" and its cultural context]. *Versus*. Vol. 2. No. 3. Pp. 106–125. (In Russian).
11. Prilutskij, A. M. (2021) "Vaktsinirovanie" vs "chipirovanie": triggery eskhatologičeskoj mifologii v usloviyakh protivoepidemičeskikh meropriyatij [Vaccination vs microchipping: triggers of eschatological mythology in the context of anti-epidemic measures]. *Vestnik Severnogo (Arktičeskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki* [Vestnik of Northern (Arctic) federal university. Series: humanitarian and social sciences]. Vol. 21. No. 3. Pp. 108–118. (In Russian).
12. Prilutskij, A. M. (2020) K voprosu o germenevtičeskikh mekhanizmax funkcionirovaniya konspirologičeskogo mifa [On the hermeneutic mechanisms of the conspiracy myth functioning]. *Vestnik Severnogo (Arktičeskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki* [Bulletin of the Northern (Arctic) University. Series: Humanities and Social Sciences]. Vol. 4. Pp. 131–141. (In Russian).
13. Prilutskij, A. M. (2019) Semiotika modal'nostej sovremennogo konspirologičeskogo mifa v diskursakh marginal'nogo pravoslaviya [Semiotics of the present-day conspirological myth modalities in discourses of marginal orthodoxy]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tixonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 1: Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie* [St Tikhon's University review. Series theology. Philosophy. Religious studies]. No. 82. Pp. 94–107. (In Russian).
14. Sevost'yanov, D. A. (2021) Inversivnyj analiz eskalatsii konflikta [Inversion analysis of conflict escalation]. *Filosofiya prava* [Philosophy of law]. Vol. 3 (98). Pp. 33–40. (In Russian).
15. Silant'ev R., Rogozin, Yu. (2021) *Parapravoslavnye sekty v sovremennoj Rossii* [Parar-Orthodox sects in modern Russia]. Moskva: Snezhnyj kom. (In Russian).
16. Terminy i ponyatiya radikal'nykh religioznykh subkul'tur: Slovar'-spravochnik, uchebnoe posobie (2023) [Terms and concepts of radical religious subcultures: Dictionary, Textbook]. Sankt-Peterburg: Pervyj izdatel'sko-poligrafičeskij kholding. (In Russian).
17. Tsejtlin, S. N. (1990) Neobxodimost' [Necessity] *Teoriya funkcional'noj grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'* [The theory of functional grammar. Temporality. Modality]. Leningrad: Nauka. Pp. 142–156. (In Russian).
18. Shomova, S. A. (2023) Ot konspirologii do rozygrysha: problema mis- i dezinformatsii v pandemijnom diskurse [The problem of misinformation and disinformation in covid pandemic discourse]. *Kommunikatsii. Media. Dizajn*. [Communications. Media. Design]. Vol. 8. No. 1. Pp. 5–23. (In Russian).
19. Shtyrkov, S. (2019) Dukhovnoe videnie istorii kak diskursivnyj poryadok političeskoj eskhatologii: ubijstvo sem'i Nikolaya II v pozdnei postsovetskoj pravoslavnoj istoriosofii [The spiritual version of history as discursive order of political eschatology: theology of ritual in contemporary orthodox historiosophy and conspirology]. *Gosudarstvo, religiya, Tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion and church in Russia and worldwide]. Vol. 37. No. 4. Pp. 130–166. (In Russian).

Об авторе

Прилуцкий Александр Михайлович, доктор философских наук, профессор, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Российская Федерация; ORCID ID: 0000-0002-7013-9935, e-mail: alpril@mail.ru

About the author

Alexander M. Prilutskij, Dr. Sci (Philos.), Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia, Sankt-Peterburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0002-7013-9935, e-mail: alpril@mail.ru

Поступила в редакцию: 02.05.2023
Принята к публикации: 28.07.2023
Опубликована: 18.09.2023

Received: 02 May 2023
Accepted: 28 July 2023
Published: 18 September 2023